Н.А. Инал-Ипа

ЭТНОСЫ, НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СОЦИУМОВ

Современная политическая наука стоит перед новым пониманием реальных изменений и вызовов XXI века, который можно назвать веком глобализации. Одна из проблем этнополитологии, возникших в эпоху глобализации, – место этничности и нации в глобальном постмодернистском проекте. Расширение и углубление глобальных процессов, игнорирующих специфику и самобытность различных обществ, их влияние на основные функции и сущность национального государства требуют от науки междисциплинарных подходов в изучении современных этнополитических проблем, имеющих многомерные и многовекторные характеристики. Оставаться в стороне от рассмотрения этих проблем отечественная наука не может, так как будущее России и ее место в глобализирующемся мире – вопрос, далеко не праздный.

Этнос в полиэтничном государстве. Вопрос о мобилизации этноса, его превращении в субъект политического действия, противопоставляющий себя нации, а свои интересы – национально-партийным интересам, зависит исключительно от того, идентифицируют ли себя члены этнической группы в качестве членов нации, считают ли они национальное государство своим, а себя, хотя бы номинально, суверенным источником власти в этом государстве.

В современном мире существует много полиэтничных (по советско-российской терминологии – многонациональных) государств, в которых, по крайней мере, сегодня отсутствуют признаки этнической мобилизации. В качестве примера можно привести современную Германию, оставив за рамками рассмотрения непростой вопрос взаимоотношения государства с иностранной рабочей силой, структурированной по этническому признаку. Если же иметь в виду только немецкую нацию как совокупность граждан государства, то эта нация полиэтнична (а государство – федеративно), она включает в себя в качестве этнических групп баварцев, саксонцев, тюрингцев, франконцев и пр. Однако представители указанных этносов на первое место устойчиво ставят национальную идентификацию (Deutsch), т. е. в первую очередь воспринимают себя как немцев, и лишь во вторую – как уроженцев федеральных земель.

Трудно назвать совокупность причин, позволяющую представителям различных этносов в той или иной стране идентифицировать себя как представителей единой нации, как граждан единого государства. Скорее можно попытаться определить основные причины, вытекающие из характера национального государства, по которым подобная идентификация станет невозможной.

Анализ этих причин можно начать с констатации, что каждый гражданин полиэтничного государства обладает двумя идентичностями: этнической и национальной.

В современных демократических обществах этническая идентификация, как правило, является сугубо личной идентичностью человека наряду с вероисповеданием, половой ориентацией и т. д. и лишь в редких случаях, как, например, в СССР имела официальный статус наряду с гражданством и вписывалась отдельным пунктом в паспорт. Однако, как известно, в новом российском паспорте такая запись отсутствует, оставив этническую идентичность делом совести гражданина.

Напротив, национальная идентичность (т. е. принадлежность к нации) всегда официальна, от нее нельзя отказаться: она присваивается по факту гражданства и «выдается» вместе с паспортом гражданина данного государства. И хочет этого гражданин или не хочет, но, предъявляя национальный паспорт, например, пограничным службам другого государства, он представляется им по национальному имени – натониму: *я – американец (француз, россиянин...).*

Таким образом, в полиэтничном государстве каждый гражданин, называющий себя этническим именем, должен принять и другое имя – национальное, а в определенных случаях и называться им.

Так, если натоним образован от имени другого этноса, входящего в нацию, тогда самоидентификация представителя другого этноса в соответствии с натонимом равносильна отказу от своей этнической идентичности, что в иных случаях субъективно приравнивается к отказу от веры, родства и даже предательству. Если такая ситуация возникает, то натоним табуируется для самоназвания членов этнической группы.

Другим фактором, объективно препятствующим национальной идентификации граждан полиэтничного государства, является государственный (национальный) язык. Граждане единой страны в силу объективных обстоятельств (единства системы образования, права, экономики и т. д.) должны говорить на одном языке. Если этот язык является родным языком другого этноса, входящего в нацию, тогда

это обстоятельство делит нацию на две части: «истинных» носителей национального языка (литературы, культуры и т. п.) и «иноязычных» граждан, как бы «приобщающихся» к национальной культуре.

Это деление имеет экономические и социальные последствия, поскольку человек, хуже владеющий государственным языком, с меньшей вероятностью переходит в вышестоящий социальный слой, а добиться языкового равенства представителю меньшинства труднее: по крайней мере, ему нужно выучить два языка[1]. И «средний» класс (его еще называют «мелкой буржуазией») этнического меньшинства (учителя, врачи, служащие и т. д.), чье экономическое процветание целиком зависит от знания письменного языка, в общем случае не выдерживает конкуренции со стороны языкового большинства.

Но, как представляется, главным препятствием для национальной идентификации представителей этнической группы в рамках полиэтничного государства является этнократический характер государства. Этнократия представляет собой тот порядок, когда национальная партия контролирует государственную власть, составленную из представителей доминирующей этнической группы, и всегда выбирает в качестве национальных интересов интересы доминирующего этноса. При этом партию следует понимать именно как политически мобилизованную (в данном случае по этническому признаку) часть нации, а не как зарегистрированную политическую партию.

Очевидно, если государство приобретает этнократический характер, национальная идентификация для представителей этнических групп, не входящих в доминирующий этнос, становится практически невозможной. Государство не только не воспринимается ими в качестве «своего», но, напротив, воспринимается чуждой силой, потенциально угрожающей безопасности и благополучию этнических меньшинств.

Национализм как этнический национализм. Даже при самом поверхностном знакомстве с этнополитической литературой становится очевидно, что «национализм» – самое употребительное, самое универсальное, самое емкое и в то же время самое

[1] Э. Хобсбаум иллюстрирует ситуацию на историческом примере: «Тот факт, что для занятия той же должности фламандец должен был быть двуязычным, в то время как франкоязычному достаточно было иметь только поверхностное представление о втором языке, подчеркивал ущербность меньшего языка; позже аналогичная ситуация сложилась в Квебеке» (*Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990. P. 114 – 121.)

эмоциональное и «тревожное» понятие в данной области науки, без которого немыслима ни одна этнополитическая конструкция. Что же национализм представляет собой по сути?

Национализм, обладающий огромной притягательной силой, не может быть выражен в терминах общезначимой теории или изложен в виде рациональных постулатов, описан в образе единого явления. Единственный общий признак данного феномена, согласно А.А. Празаускасу, который можно выразить словами, «его огромная притягательная сила для миллионов, нередко побуждающая жертвовать даже жизнью». И, тем не менее, обзор литературы, посвященной феномену национализма, убеждает, что А.А. Празаускас во многом прав: практически каждый автор называет этим термином нечто свое, уникальное, лишь в частностях похожее на то, что утверждают другие, так что объект, скрывающийся за потоком разноречивых дефиниций, теряет сколько-нибудь определенные очертания.

Основываясь на политической природе национализма, нельзя согласиться с такими его определениями, как «национализм – это состояние ума» (К. Дойч[1]; Г. Кон[2]); «национализм – это миф, созданный интеллектуалами» (Н. Эберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер)[3]; «национализм – обыкновенный патриотизм» (Т.Р.Х. Хейвенс[4]; К. Янг[5]) и т. д.

Если мы отбросим все имеющиеся определения национализма, не несущие в себе политической составляющей, то вернемся к исходному моменту – к констатации, что в случае, когда этническая

---

[1] «Национализм – это состояние ума, которое при принятии решений в социальных коммуникациях придает особое значение «национальным» сообщениям, воспоминаниям и образам» (*Deutsc K.* Tides among Nations. N. Y., 1979. P. 301).

[2] «Национализм прежде всего и главным образом – это состояние ума, волевой акт, который со времен Французской революции становится все более характерным для человечества» (*Kohn H.* The Idea of Nationalism. N. Y., 1961. P. 10).

[3] «Национализм часто рассматривается как искусственная, паразитическая идеология... С этой точки зрения национализм – это миф, созданный интеллектуалами, проповедниками романтических представлений о национальном языке, народном наследии и национальной идентичности» (*Abercrombie N., Hill S., Turner B. S.* The Penguin Dictionary of Social Sciences. 2nd ed. L., 1988. P. 162).

[4] «Национализм – преданность и лояльность своей нации» (*Havens T.R.H.* Nationalism // Kodansha Encyclopedia of Japan. 1983. Vol. 5. P. 342).

[5] Национализмом называют политическую идеологию, рассматривающую нацию «как сформировавшееся сообщество, к которому люди испытывают чувство высшей преданности» (*Young C.* The Politics of Cultural Pluralism. Madison, 1976. P. 95 – 97).

группа противопоставляет свою идентичность национальной идентичности, свои групповые интересы национальным интересам, происходит политическая мобилизация и превращение группы в субъект политического действия, вступающего в борьбу за государственную власть. Однако обратим внимание на существенный момент: группа вступает в борьбу за власть в государстве, не считая себя гражданами *этого* государства; она желает получить государственную власть, не считая *эту* власть вообще законной. Так за какую же государственную власть борется в данном случае этническая группа? Ответ известен: она борется за свою собственную государственную власть, за свое собственное государство, за то, чтобы стать нацией, обладающей собственной государственностью.

Вот именно такое содержание политической борьбы является сущностью этнического национализма. В.А. Тишков пишет: этнический национализм, «становясь политической программой, служит для этнических предпринимателей средством обеспечения доступа к власти и ресурсам ...порождает попытки реализовать принцип этнической государственности через узурпацию власти представителями одной группы, через подавление меньшинств или через сецессию и создание новой "национальной" (читай: этнической) государственности»[1]. Так или примерно так – как стремление этноса превратиться в нацию, создав свое государство – понимают этнический национализм Г. Кон[2], Э.Д. Смит[3] и некоторые другие ученые.

В определении В.А. Тишкова точно определена конечная цель этнического национализма: не просто создание нового государства и образование новой нации, а создание именно этнократитического государства: государства либо с моноэтничной нацией, либо, в противном случае, нации, в которой данный этнос доминирует политически, культурно и языково; нации, в которой национальными интересами являются интересы данного этноса.

---

[1] *Тишков В.А*. О нации и национализме. Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 31.

[2] «... культурный национализм трансформировался в стремление создать свое государство. Рост национализма – этот процесс интеграции народной массы в рамках общей политической парадигмы. Поэтому национализм предполагает существование – на деле или в качестве идеала – централизованного государства на большой территории» (*Kohn H.* The Idea of Nationalism. P. 3).

[3] [Этнический] «национализм сегодня представляет собой легитимизирующий принцип политики и создания государств... становление нации создает плодородную почву для сепаратизма, по мере того как многие этнии стремятся стать нациями» (*Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. N. Y., 1986. P. 129–130).

Из такого понимания сущности этнического национализма следует, что его исключительной целью вовсе не является сецессия – отделение от исходного государства территории проживания этноса и объявление ее территорией нового независимого государства. Поскольку вопрос о власти – это, в конечном итоге, вопрос о контроле над ресурсами – людскими, природными и т. д., постольку при прочих равных условиях предпочтительной целью этнического национализма является превращение группы в политически доминирующую национальную партию, мобилизованную по этническому признаку с последующим превращением своих групповых интересов в интересы национальные.

Если этническая картина общества и соответствующий ей расклад политических сил исключает подобное развитие событий, т. е. достижение целей политически мобилизованного этноса в рамках прежнего государства, только тогда практикой этнического национализма становится сепаратизм, а конечной политической целью – сецессия. И здесь возникает большая вероятность того, что вне зависимости от формы политического режима государство может стать этнократическим, поскольку национальную партию, контролирующую государственную власть и определяющую национальные интересы, составляет тот мобилизованный этнос, который и осуществил сецессию.

Национализм как государственный (гражданский) национализм. Добившись институализации своей политической цели – создания этнократического государства, этнический национализм от политики завоевания этнократии переходит к политике ее удержания с помощью силы государства. Тем самым он переходит в инофазу своего существования – фазу государственного (гражданского) национализма. Такая форма национализма называется государственной или гражданской потому, что теперь этнос, ставший национальной партией, подчинившей себе институт государства и конституировав свои групповые интересы в качестве национальных, выступает уже и от лица института государства, и от лица всех граждан, составляющих нацию.

Сущность национализма – стремление этноса быть суверенным источником власти в суверенном государстве – осталась прежней, но изменилось его политическое воплощение: стремление к *ино*-идентификации и противопоставлению себя нации сменяется стремлением доминирующего этноса полностью слиться с нацией – ассимилировать и растворить в себе все малые этнические

группы; стремление к языковой и культурной автономии сменяется стремлением к государственной унификации системы образования и языка; стремление к смене господствующей этнической (национальной) партии заменяется стремлением к увековечиванию своего национального доминирования; стремление к бескровной сецессии заменяется стремлением сохранить государственное и территориальное единство любыми средствами.

Но при этом государственный (гражданский) национализм в общественном мнении планеты (а сегодня допустимо говорить и о таком общественном мнении) выглядит значительно легитимнее, чем национализм этнический, поскольку он «чаще всего отождествляется с патриотизмом»[1], т. е. с «любовью» граждан к своей единой и неделимой стране при всем том, что «в своих крайних политических формах может обретать формы государственной агрессивности, шовинизма или изоляционизма»[2]. Напротив, национализм этнический, пытающийся выбраться из «объятий» государственного «патриотизма», представляется чем-то иррациональным, «непатриотичным», разрушительным.

Этнополитические отношения в Российской Федерации представляют собой сложную многоуровневую систему, функционирующую под влиянием различных факторов. Проявления этнорегионализма и этносепаратизма стали следствием многих причин. Среди них следует назвать слом административно-командной системы управления страной, отсутствие у политического руководства четкой концепции этнической и региональной политики, многочисленные попытки разыграть в политических целях «этническую» и «региональную» карты, всплеск этнического самосознания в обществе[3].

Отечественная наука испытывала огромную потребность в теоретическом осмыслении связи этнической идентичности и политической мобилизации человеческих общностей, анализе тех факторов, которые все чаще вовлекают этнические группы в экстремистские националистические движения, угрожающие порой не только государственному, но и мировому порядку. Очевидно, что для современной многоэтничной России подобные исследования имеют особое значение.

---

[1] *Тишков В.А.* О нации и национализме. Племические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 31.

[2] Там же. С. 31.

[3] См.: *Татунц С.А.* Этносоциология. М.,1999.